

- Меррит Абрахам

○

Меррит Абрахам

Племя из бездны

А. Меррит

ПЛЕМЯ ИЗ БЕЗДНЫ

Перевод с англ. И. Невструева

К северу от нас поднялся к зениту сноп света, выходивший из-за пяти вершин. Его лучи устремлялись вверх сквозь столб голубоватого тумана, края которого были видны так же четко, как дождь, идущий из грозовой тучи. Он походил на свет фонаря в голубом тумане и не давал никакой тени.

Когда он устремился вверх, черные вершины стали видны четче, и я заметил, что вся гора имеет форму ладони. По мере того, как свет очерчивал ее контуры, гигантские пальцы распрямлялись, словно ладонь хотела что-то схватить или втолкнуть обратно. Светящийся столб на мгновение замер, а затем распался на тысячи маленьких ярких шаров, которые заколебались, а потом опустились вниз, как будто что-то искали.

Лес замер, все звуки стихли. Я чувствовал, что собаки жмутся к моим ногам; они тоже умолкли, но тельца их дрожали, шерсть на загривке поднялась дыбом, а глаза, наблюдавшие за огоньками, остекленели от ужаса.

Я взглянул на Андерсона, устремившего взгляд на север, туда, где сноп вновь поднялся вверх.

- Это не может быть полярное сияние,- сказал я, еле двигая губами, такими сухими, словно Лао Т'цай насыпал мне в рот пыль страха.

- Если это и сияние, то я никогда такого не видел,- откликнулся Андерсон.- Да и кто слышал, чтобы сияние бывало в это время года?

Затем он громко произнес то, что вертелось и у меня на языке.

- Я начинаю думать, что там идет какая-то охота,- сказал он.-Дьявольская охота; нам повезло, что мы находимся за ее пределами.

- Каждый раз, когда сноп света поднимается вверх, мне кажется, что гора движется,- сказал я.- Что за этим кроется, Стэрр? Это напоминает мне замерзшую ладонь из облаков, которую Шан Надур поместил перед Вратами Вампиров, чтобы удержать их в норах, вырытых Эблизом.

Он поднял руку, прислушиваясь.

С севера и сверху доносился шепот. Он не походил на шелест северного сияния, на тот щелкающий звук, издаваемый духами ветров, дувших в момент Сотворения и мчащихся сквозь скелеты листьев древних деревьев, давших убежище Лилит. Это был шепот, содержащий в себе приказ. Он звал нас, чтобы мы отправились туда, откуда выходил сноп света. Он притягивал, в нем звучал торопящий мотив. Коснувшись моего сердца тысячью маленьких, перемазанных страхом пальцев, он наполнил меня стремлением бегом броситься к нему и слиться воедино с этим светом. Так, должно быть, чувствовал себя Улисс, когда, привязанный к мачте, слушал чарующее пение сирен.

Шепот стал громче.

- Что, черт возьми, творится с этими псами? - яростно воскликнул Андерсон.- Ты только взг-гЙни!

Маламуты визжа помчались к свету. Мы видели, как они исчезали за деревьями. Какое-то время мы слышали их жалобный вой, потом он стих, и осталось только настойчивое журчание в воздухе.

Поляна, на которой мы разбили лагерь, открывалась прямо на север. Думаю, мы ушли миль на триста за первый поворот Коскоквима в направлении Юкона и, наверняка, находились в девственных краях. Мы шли на север из городка Доусон, стоявшего в излучине реки Спринг, двигаясь прямо к затерянным пяти вершинам, между которыми, как сказал нам шаман из племени атабасков, золото выплывает, как замазка между пальцами сжатой ладони. Мы не сумели найти ни одного индейца, который согласился бы сопровождать нас, все они утверждали, что земля Открытой Руки проклята. Вершины мы заметили накануне, когда они рисовались на фоне пульсирующего зарева, а теперь видели свет, который нас к ним привел.

Андерсон замер. Сквозь шепот пробился легкий стук и шелест, словно к нам приближался небольшой медведь. Я подбросил в костер несколько поленьев, а когда огонь стал больше, увидел нечто, появляющееся из-за кустов. Оно шло на четвереньках, но совершенно не походило на медведя. Внезапно меня осенило - оно походило на ребенка, карабкающегося по лестнице. Передние лапы оно поднимало гротескно инфантильным способом. Существо приблизилось, мы потянулись за оружием - и тут же отложили его, поняв вдруг, что это ползущее нечто является человеком!

Действительно, это был человек. Он неуверенно дополз до костра, по-прежнему высококо, как при подъеме, поднимая конечности и ударяя ими.

- Безопасно,- прошептал он голосом, бывшим отражением шепота, витавшего над нашими головами.- Здесь вполне безопасно. Они не могут выбраться за пределы голубого, не могут до вас добраться... разве что вы пойдете к ним сами...

Он повалился на бок. Мы подбежали, и Андерсон наклонился.

- Боже мой, Френк! - воскликнул он.- Смотри! Он указал на руки человека. Запястья их были покрыты обрывками какой-то толстой ткани, а самих ладоней просто не было! Когда-то они были скаты в кулаки, а затем плоть с них была содрана до самых костей. Сейчас они выглядели, как ноги маленького черного слона. Я провел взглядом вдоль тела: вокруг бедер обвивался тяжелый пояс из желтого металла, от которого отходило кольцо и несколько звеньев белой сверкающей цепи!

- Кто он? И откуда здесь взялся? - спросил Андерсон.- Смотри, он спит, как убитый, и даже во сне старается куда-то подняться. Его колени... боже, как он вообще на них передвигался?

Все было так, как говорил Андерсон. Несмотря на глубокий сон, в который погрузился человек, его руки и ноги по-прежнему двигались страшными размеренными движениями. Это было так, словно они жили своей собственной жизнью и совершали свои движения независимо от неподвижного тела. Это были движения семафора. Если когда-нибудь вы стояли позади поезда и видели, как опускаются и поднимаются крылья семафора, вы знаете, о чем я говорю.

Внезапно висевший в воздухе шепот стих. Сноп света опал и больше уже не поднимался. Лежащий человек замер. Короткая аляскинская ночь кончилась и наступил рассвет. Андерсон протер глаза и повернулся ко мне.

- Приятель! - воскликнул он.- Ты выглядишь, словно перенес тяжелую болезнь!

- Ты тоже, Стэрр,- сказал я.- Понимаешь что-нибудь в этом?

- Думаю, ответ находится здесь,- сказал он, указывая на фигуру, неподвижно лежащую под одеялами, которыми мы ее накрыли.- Чем бы ни был этот ответ, именно от него он бежал. Это не было сиянием, Френк, больше всего это походило на разжигание какого-то странного костра, о котором не предупредило нас это племя атабаскинских проповедников.

- Сегодня мы уже не пойдем дальше,- решил я.- Нам не разбудить его даже за цену всего золота, выплывающего между пальцами пяти вершин.

Мужчина был погружен в сон, такой же глубокий, как Стикс. Мы обмыли и забинтовали

обрубки, бывшие некогда его ладонями, а он даже не шевельнулся все это время: лежал так, как упал, с поднятыми руками и согнутыми ногами.

- Почему он полз? - прошептал Андерсон.- Почему не шел? Я начал пилить обруч вокруг его пояса. Он был золотым, но с таким золотом я никогда не имел дела. Чистое золото бывает мягким. Это тоже было мягким, но, казалось, пульсирует какойто нечистой, собственной жизнью; оно прилипало к напильнику. Разрезав, я разогнул его и закинул подальше. Оно было отвратительно!

Мужчина проспал весь день. Наступила ночь, а он продолжал спать. В ту ночь не было ни снопа света, ни ищущих шаров, ни шепота. Казалось, что с этих мест снято какое-то страшное заклятие. Был полдень, когда человек проснулся, и я даже подпрыгнул, услышав его певучий голос.

- Сколько я проспал? - спросил он. Его светло-голубые глаза стали какими-то странными.

- Всю ночь...- и почти два дня,- ответил я.

- А прошлой ночью вы видели свет? - он оживленно указал на север.- Слышали шепот?

- Ни того, ни другого,- ответил я. Откинув голову назад, он посмотрел прямо в небо.

- Неужели они сдались? - скакал он наконец.

- Кто сдался? - спросил Андерсон.

- Как это кто? Племя из Бездны,- тихо ответил человек. Мы уставились на него.

- Племя из Бездны,- повторил он.- То, которое Дьявол сотворил еще перед потопом и которое каким-то образом избежало мести. Бога. Вам с их стороны ничего не грозило... разве что вы откликнулись бы на их зов. Они не могут выйти за пределы голубого тумана. Я был их пленником,-' просто закончил он, и шепотом они пытались вернуть меня обратно!

Мы с Андерсоном переглянулись, подумав об одном и том же.

- Вы ошибаетесь,- сказал он.- Я не спятил. Дайте мне только немного выпить. Скоро я умру, но прежде, чем это произойдет. я хочу, чтобы меня забрали как можно дальше на юг, а потом разведите костер и сожгите меня. Я хочу принять такую форму, чтобы никакие дьявольские чары этого племени не могли вновь затащить туда мое тело. Сделайте это, когда я вам о них расскажу...- он заколебался.- Кажется, с меня сняли цепь?

- Я распилил ее,- коротко ответил я. - Слава Богу и за это,- прошептал он, а потом выпил водку с водой, которую мы поднесли к его губам.

- Руки и ноги мертвые,- сказал он.- Так же мертвые, как скоро буду я сам. Что ж, они хорошо потрудились. А теперь я расскажу вам, что находится там, за Ладонью. Ад!

- Послушайте. Меня зовут Стентон, Синклер Стентон. Выпускник Йельского университета 1900 года. Путешественник. В прошлом году вышел из Доусона в поисках пяти вершин, поднимающихся, как ладонь, между которыми течет чистое золото. Вы ищете то же самое? Так я и думал. Поздней осенью прошлого года мой товарищ заболел, и я отправил его обратно с несколькими индейцами. Остальные вскоре сбежали от меня. Но я решил не сдаваться. Построил шалаш, запасся продовольствием и переждал зиму. Весной двинулся дальше. Спустя неполные две недели я увидел пять вершин, но не с этой стороны, а с обратной. Дайте мне еще водки.

- Я сделал слишком большой крюк,- продолжал он.- Пошел слишком далеко на север. С этой стороны не видно ничего, кроме леса, доходящего до самого подножия Открытой Руки, а вот с другой...

Он помолчал.

- Там тоже лес, но он не заходит так далеко. О нет! Я вышел из него, и передо мной предстала раскинувшаяся на много миль плоская равнина. Она выглядела такой же старой и разрушенной, как пустыня вокруг руин Вавилона. На краю ее вздымались вершины, а между

мной и ими стояло что-то, похожее на барьер из скал. Потом я наткнулся на дорогу.

- Дорогу? - недоверчиво воскликнул Андерсон.

- Да,- сказал человек.- На каменную, идеально ровную дорогу, утоптанную так, словно сотни миллионов ног тысячелетиями ходили по ней. По обе стороны находились песок и груды камней. Я заметил эти камни только через некоторое время, а форма груд, которые они образовывали, навела меня на мысль, что сотни лет назад они могли быть домами. Я чувствовал в этом деятельность человека, и в то же время в них было что-то древнее. Так вот...

Вершины приближались, груды развалин стали чаще. Они производили впечатление покинутых необычно и, казалось, излучали что-то, коснувшееся моего сердца, как прикосновение духов, настолько древних, что они могли бы быть только духами домов. Однако, я шел вперед.

Вскоре я понял, что невысокий барьер у подножия вершин был еще одним, более широким поясом руин. Открытая Рука находилась на самом деле гораздо дальше. Дорога проходила между двумя высокими скалами, стоящими, как ворота.

Рассказчик опять помолчал.

- Это и были ворота,- продолжал он.- Я дошел до них, миновал и тут же упал, судорожно хватаясь за землю. Я находился на широком каменном уступе, а подо мной была пропасть! Представьте себе Большой Каньон, только в пять раз шире и без дна - вот во что я заглядывал. Я как будто смотрел за грань рассеченного мира, в глубь бесконечности, где кружат планеты! На дальнем конце стояли те пять вершин, словно огромная, предостерегающая ладонь, вытянутая к небу. Край пропасти изгибался по обе стороны от меня.

Видеть можно футов на тысячу - дальше все закрывал густой голубой туман, напоминавший .голубизну, видимую в сумерках и собирающуюся на вершинах гор.. А сама расщелина была ужасающей, как маорийский Залив Ранарак, разделяющий мир живых и мертвых, через который может перепрыгнуть новоосвободившаяся душа, но уже никогда не найдет сил пересечь его обратно.

Я отполз от края и встал, опершись рукой на один из столбов этих ворот. На нем находились какие-то скульптуры. Еще достаточно четко виднелась фигура огромного человека, стоявшего спиной к наблюдателю. Руки его были вытянуты, на голове странное островерхое украшение. Я взглянул на соседнюю скалу,- там виднелась точно такая же фигура. Столбы были треугольными, а изображения находились на сторонах, отвернуть[^] от расщелины. Казалось, фигуры что-то скрывают. Я приглядевшись, и мне показалось, что за их вытянутыми руками виднеются другие фигуры.

Видел я их очень смутно, но похожи они были на больших распрямленных улиток. Их набухшие тела были едва обозначены, за исключением голов, напоминавших[^] шары. Были они невероятно мерзки. Я вновь повернулся к пустоте, вытянулся на камне и заглянул вниз.

В глубь расщелины вела лестница!

- Лестница! - воскликнули мы.

- Да,- ответил человек, так же спокойно, как и прежде.- Она выглядела не высеченной в камне, а, скорее, встроенной в него. Ступени имели около шести футов длины и трех ширины, они уходили вниз и исчезали в голубой мгле.

- Кто мог создать такую лестницу? - спросил я.- Лестницу, встроенную в стену пропасти и ведущую в глубь бездонной расщелины?

- Вовсе не бездонной! - тихо сказал человек.- У нее было дно, и я добрался до него!

- Добрался до него! - повторили мы.

- Да. по лестнице,- ответил человек. - Я пошел по ней щ;из. Да, да,- подтвердил он,- я пошел вниз по лестнице, но не в тот день. Я устроил лагерь сразу за воротами, а на рассвете

набил рюкзак продуктами, наполнил фляги водой из источника, бившего у ворот, прошел между украшенными скульптурами монолитами и пересек край расщелины.

Ступени шли вдоль плоскости скалы под углом сорок пять градусов, и я разглядывал их, спускаясь вниз. Они были сделаны из зеленоватого камня, совершенно не похожего на гранит-порфир, образующий стену пропасти. Поначалу я думал, что строители использовали дайку той породы, в которой вырубили ступени, но постоянство угла наклона лестницы поставило мою теорию под сомнение.

Пройдя около полумили, я добрался до выступа. От него лестница резко поворачивала и шла дальше вниз, прилегая к скале под тем же углом, что и прежде. Она образовывала зигзаг и, миновав три таких поворота, я понял, что ступени идут вниз спиралью. Никакие дайки не могли возникнуть с такой правильностью. Нет, нет, лестница была встроена. Но чьими руками? Ответ находится в тех руинах, что окружают расщелину, но, думаю, никогда не будет найден.

Около полудня я потерял из виду пять вершин и край расщелины. Внизу и надо мной был голубой туман, а вокруг - пустота, поскольку дальний скальный выступ уже давно исчез. Я не испытывал головокружения, а страх пересилило огромное любопытство. Что меня ждало? Какая-нибудь древняя и великая цивилизация, царившая в мире, когда полюса были тропическими садами? Я был убежден, что там нет ничего живого, поскольку все вокруг было слишком древним, чтобы существовать до сих пор, однако думал, что эта великолепная лестница должна вести к чему-то такому же великолепному. Что это было?.. Я продолжал спуск.

Через равные расстояния я проходил мимо отверстий небольших пещер. Одну от другой отделяло две тысячи футов. Ближе к вечеру я остановился перед одним из таких отверстий. Думаю, спустился я тогда мили на три, хотя угол наклона был таков, что в сумме это составляло десять. Я осмотрел вход. С каждой его стороны были вырезаны фигуры с верхнего портала, только теперь они стояли лицом к наблюдателю с распростертыми руками, так, словно хотели удержать что-то от выхода из глубин. Лица их были закрыты, а за спинами у них не было никаких отвратительных созданий.-Я вошел внутрь. Пещера уходила вглубь, как нора, метров на двадцать. Она была сухой и отлично освещенной. Я видел голубой туман, поднимающийся вверх, как колонна, с четко очерченными краями. Меня охватило чувство необычайной безопасности, хотя и прежде я не испытывал никакого страха. Вероятно, фигуры у входа были охранниками, но чего?

Голубоватый туман сгустился, стал слабо светиться, и я подумал, что снаружи, наверное, темнеет. Немного поев, я напился и лег спать. Когда проснулся, голубизна вновь просветлела, и я догадался, что снаружи рассвело. Снова я двинулся вперед, забыв о раскрывающейся рядом расщелине. Я не чувствовал усталости и, хотя поел мало, не испытывал ни голода, ни жажды. Еще одну ночь я провел в другой пещере, а на рассвете снова пошел вниз.

Было уже поздно, когда в тот день я впервые увидел город...

Он помолчал, потом продолжал:

- Да, там есть город, но я никогда не видел такого, и никакой другой человек не мог о нем рассказать. Думаю, расщелина по форме напоминает бутылку, и отверстие у пяти вершин является горлышком... Не знаю, какую ширину имеет дно - возможно, тысячу миль. Я начал замечать слабые вспышки света далеко внизу,- потом увидел верхушки... пожалуй, деревьев. Но не таких, как наши, а неприятных змееподобных деревьев. Они имели высокие тонкие стволы, а кроны их состояли из множества ветвей с маленькими листьями, похожими на наконечники стрел. Деревья были красными. Кое-где виднелись пятна сверкающей желтизны, и я знал, что это вода, ибо видел, как расступалась ее поверхность - по крайней мере, замечал волнение,- но никогда не видел, чем это вызывалось.

Прямо подо мной находился город, и я смотрел на целые мили тесно лежащих цилиндров. Они лежали на боку, образуя пирамиды из трех, пяти, десяти, помещенных один над другим. Трудно описать этот город. Допустим, у вас есть водопроводные трубы определенной длины, и сначала мы укладываем друг подле друга три, на них две, а еще выше одну. Или же берем для основания пять, на них четыре, три, и так далее. Понимаете? Так они выглядели. Но на самом верху виднелись башни, минареты, вздутия и прочие ужасы, поблескивающие, словно их покрыли огнем. Рядом вздымались ядовитокрасные деревья, похожие на голфы гидры, охраняющей гигантские гнезда покрытых драгоценностями спящих червяков!

В нескольких футах подо мной лестница образовывала титаническую арку, такую же неземную, как арка, соединяющая Ад или ведущая в Асгард. Арка эта изгибалась и спускалась вниз прямо через вершину самой крупной пирамиды цилиндров и исчезала в них. Она была ужасна...

Человек прервал рассказ. Он весь дрожал, а руки и ноги вновь начали свои чудовищные ползущие движения. Из уст вырвался шепот, бывший эхом журчания в воздухе, которое мы слышали в ночь его прихода. Я положил руку ему на глаза, и он успокоился.

- Проклятые создания! - сказал он.- Племя из Бездны! Я шептал? Да... но теперь они не могут меня достать, не могут!

Через некоторое время он продолжал рассказ таким же спокойным голосом, как и прежде.

- Я прошел по арке и через верх того... здания. Голубая темнота на мгновение окружила меня, и я почувствовал, что лестница закручивается спиралью. Повернув вниз, я оказался в... даже не могу сказать в чем и буду называть это комнатой. У нас в языке нет слов для описания того, что находится в расщелине. Футах в ста подо мной находился пол, стены спускались вниз от места, где я стоял, рядом расширяющихся полумесяцев. Помещение было огромно... и заполнено странным пятнистым блеском - словно свет внутри зеленого и золотистого огненного опала. Я спустился на низший уровень. Далеко передо мной вздымался высокий, окруженный колоннами алтарь. Его столбы украшали чудовищные переплетения, словно безумные осминоги с тысячами пьяных щупалец лежали на плечах бесформенных чудовищ, высеченных из пурпурного камня. Переднюю часть алтаря занимала гигантская пурпурная плита, покрытая барельефами.

Я не могу описать эти барельефы! Ни один человек не смог бы этого сделать, человеческий глаз не может их понять, как не может постигнуть фигуры, населяющие четвертое измерение. Только какие-то обостренные чувства, укрытые в глубинах мозга, туманно ощущали все это. Это были бесформенные предметы, не дающие никакого определенного образа и все-таки проникающие в мозг подобно небольшим горячим оттискам: ощущение ненависти... схваток между невообразимо ужасными существами... побед в туманном аду безумных джунглей... бесконечно омерзительные стремления и идеалы.

Стоя так, я вдруг понял, что что-то находится за пределами алтаря, футах в пятидесяти надо мной. Я знал, что оно там находится... чувствовал это каждым волосом и каждой клеткой кожи. Что-то бесконечно злобное, страшное и древнее. Оно ждало, что-то замышляло, угрожало и было... невидимо!

За мной находился круг голубого света, и я побежал к нему. Что-то подталкивало меня вернуться, подняться по лестнице и бежать, но это было невозможно. Отвращение к этому Нечто тащило меня вперед, словно сильное течение реки. Я прошел сквозь круг и оказался снаружи, на улице, тянущейся в туманную даль между рядами выдолбленных цилиндров.

Кое-где стояли деревья, а между ними находились каменные норы. Только теперь я разглядел удивительные украшения, которые были на них выдолблены. Выглядело это так, словно покрытые і ладкой корой деревья свалились и поросли высокими болезненными

орхидеями. Таковы были эти цилиндры; по-моему, они должны были исчезнуть вместе с динозаврами. Они являлись настоящим ударом для смотрящего на них глаза и резали нервы, как бритва. Нигде не было видно признаков живых существ.

В цилиндрах находились круглые отверстия, подобные кругу в Святыне Лестницы. Я прошел в одно из них и оказался в длинном пустом сводчатом помещении, стены которого смыкались над моей головой на высоте двадцати футов, оставляя широкую щель, открывающуюся в следующую сводчатую комнату. В помещении не было абсолютно ничего, кроме пятнистого красного света, который я уже видел в святыне. Я вдруг споткнулся. По-прежнему ничего не было видно, но на полу что-то находилось. Вытянув руку, я коснулся чего-то движущегося, холодного и гладкого; повернувшись, я выбежал из этого места - меня переполняло отвращение, близкое к безумию. Заламывая руки и плача от ужаса, я продолжал бежать вперед.

Когда я пришел в себя, то все еще находился среди каменных цилиндов и красных деревьев, пытаясь найти дорогу, по которой бежал, найти Святыню. Сказать, что я боялся, значит, ничего не сказать. Я чувствовал себя, как внезапно освобожденная душа, охваченная паникой при виде первых ужасов ада. Я не мог найти Святыни! Постепенно туман начал густеть, а цилиндры засветились ярче. Я знал, что там, наверху, темнеет, и чувствовал, что вместе с этим приходит время страха, что сгущение тумана является сигналом для пробуждения того, что живет в расщелине.

Взбравшись по бокам одной из нор, я спрятался за изогнутым кошмарным камнем, думая, что смогу остаться в укрытии до минуты, когда голубизна станет менее интенсивной, а опасность минует. Вокруг меня усиливался шорох. Он был повсюду и становился громче, пока не превратился в громкий шепот. Украдкой глянул я вниз, на улицу, и заметил движущиеся огни - все больше огней. Они выплывали из узких входов и заполняли улицу. Самые верхние находились футах в восьми над землей, нижние, может, в двух. Они спешили, прохаживались медленным шагом, кланялись, останавливались и шептались - а под ними не было ничего!

- Ничего! - прошептал Андераон.

- Совершенно ничего,- продолжал человек.- Это было самое худшее: под огнями не было ничего. И все же огни эти, наверняка, были живыми существами. Они обладали сознанием, волей, думали... я не знал, что еще. Самые, крупные были шириной в два фута, а в центре имели светлое ядро-красное, голубое, зеленое. Ядро это постепенно расплывалось в туманный полусвет, который, казалось, превращался в ничто, но под этим ничто находилось что-то конкретное. Я напрягал глаза, пытаясь рассмотреть это тело, в которое сливались огни и присутствие которого можно было только чувствовать, но не видеть.

Внезапно я замер. Что-то холодное, тонкое, как плеть, коснулось моего лица. Я повернулся - за мной находились три таких огня, бледно-голубого цвета. Они смотрели на меня, если можно представить огни, которые являются глазами. Другая плеть схватила меня за руку, и под ближайшим огнем прозвучал пронзительный шепот. Я испуганно вскрикнул, и тут же шепот на улице стих. С трудом отведя взгляд от бледно-голубого шара, яглянул: огни на улице тысячами поднимались к уровню, на котором я находился! Остановившись на моей высоте, они разглядывали меня, толпились и толкались, словно толпа зевак на Бродвее. Я почувствовал прикосновение десятка плетей...

Когда я пришел в себя, то вновь находился в Городе Лестницы - лежал у подножия алтаря. Вокруг было тихо, никаких огней, только красный свет. Вскочив на ноги, я бросился к лестнице, но что-то швырнуло меня на колени. Тогда я и увидел, что вокруг пояса мне надели желтый металлический обруч, с которого свисала цепь, уходившая вверх, за край выступа. Я был прикован к алтарю!

Я сунул руку в карман за ножом - его не было! У меня забрали все, кроме одной фляги, висевшей на шее и, вероятно, признанной частью моего тела. Я попытался сломать обруч. Казалось, он был живым, извивался в моих руках и все сильнее сжимался вокруг меня. Я потянул за цепь - она была закреплена намертво. Потом до моего сознания дошло присутствие того невидимого Нечто над алтарем, и, рухнув у подножия алтаря, я заплакал. Подумайте только - один в таком месте при странном свете, а надо мной висит древний страх - что-то ужасное.

Через некоторое время я взял себя в руки и тогда увидел стоящую возле одного из столбов желтую миску, наполненную густой белой жидкостью. Я выпил ее. Меня не волновало, убьет меня этот напиток или нет, однако вкус оказался приятным, и по мере того, как я пил, силы быстро возвращались ко мне. Вероятно, меня не собирались морить голодом. Огни, чем бы они ни были, знали, что нужно человеку.

Красноватый свет постепенно усиливался, снаружи нарастал ропот, а сквозь отверстие входа появлялись шары. Они выстраивались шеренгами, пока не заполнили всю Святыню. Шепот их перешел в пение, ритмичное, монотонное пение, поднимающееся и опускающееся, а шары поднимались и опускались вместе с ритмом.

Огни появлялись и исчезали всю ночь, и всю ночь слышно было пение, вторящее их подъемам и спускам. Наконец я почувствовал себя лишь атомом мироздания в море ритмичного шепота, атомом, поднимающимся и опадающим вместе с шарами. Говорю вам, даже сердце мое билось в этом ритме! Красный полусвет побледнел, огни один за другим уходили, шепот стих. Я снова был один и знал, что в моем мире наступил день.

Я заснул, а когда проснулся, нашел у столба белый напиток. Внимательно осмотрев цепь, крепившую меня к алтарю, я принял тереть друг о друга два звена и делал этого много часов подряд. Когда краснота начала густеть, в звеньях была вытерта канавка. Я воспрянул духом: появилась надежда на побег.

Вместе со сгущением красноты появились огни. Всю ночь продолжалось шепчущее пение, а шары поднимались и опадали. Пение захватило меня, пульсировало во мне, и каждый нерв и мускул пульсировал в его ритме. Губы мои начали дрожать, как у человека, который пытается крикнуть, когда ему приснился кошмар. В конце концов они тоже стали шептать мелодию Племени из Бездны. Тело мое кланялось вместе с огнями, в движениях и звуках я слился с неназванными вещами, пока душа моя страдала от ужаса и бессилия. Шепча так, я увидел их!

- Увидел огни? - глупо спросил я.

- Увидел то Нечто под огнями, - ответил он. - Большие, прозрачные, улиткообразные тела, с десятком отростков, торчащих наружу вокруг раскрытых губ под светящимися, видящими шарами. Они напоминали духов чудовищных улиток! И были прозрачны. Пока я смотрел на них, по-прежнему кланяясь и шепча, рассвело, они направились к выходу и стали покидать Святыню. Они не ползли и не шли, а просто поднялись! Поднялись и покинули помещение!

Весь день я снова работал над цепью, и, когда краснота сгустилась, перетер уже одну шестую-ее толщины. Целую ночь я шептал и кланялся вместе с Племенем из Бездны, монотонно распевая в честь того Нечто, которое висело надо мной!

Еще дважды краснота сгущалась, и меня захватывало монотонное пение - а на пятое утро я перетер звенья цепи. Свобода! Напившись из миски белой жидкости, я перелил остатки во флягу и побежал к Лестнице. Миновав невидимый Ужас за выступом алтаря, я оказался на Мосту и помчался через Арку и вверх по Лестнице.

Можете ли вы представить, что такое подниматься вверх, за пределы расщепленного света, оставляя позади ад? Меня подгонял ужас. Когда я понял, что больше не мигу подниматься, город давно исчез в голубом тумане. Сердце мое ттучало, как молот, и я упал в одной из небольших пещер, чувствуя, что найду здесь убежище. Я заполз в нее поглубже и стал ждать,

когда туман сгустится. Это произошло почти сразу же. Снизу донесся могучий гневный ропот, потом я увидел у входа в пещеру свет, поднимающийся сквозь туман, а по мере того, как он рассеивался, разглядел тысячи шаров, являющихся глазами Племени из Бездны, опускающихся вниз в расщелину. Огонь пульсировал много раз. и шары опускались. Шла охота на меня. Шепот стал громче, настойчивее.

Я чувствовал нарастающее желание присоединиться к этому шепоту, как делал в Святыне, и потому все сильнее кусал себе губы, чтобы успокоиться. Всю ночь сноп света поднимался вверх по расщелине, шары перемещались, а вокруг раздавался шепот. Только теперь я понял цель создания пещер и скульптурных фигур, охранявших их. Однако, что за народ их создал? Почему он построил свой город вокруг провала и зачем сделал в расщелине Лестницу? Кем он был для Существ, живущих внизу, и каким образом Существа эти были ему настолько полезны, что он решил жить ряом с ними? Наверняка, имелась какая-то причина, иначе Лестница не была бы сделана. Но что за причина? И почему получилось так, что жившие над Бездной вымерли за прошедшие зека, а ее обитатели живы до сих пор? Я не мог найти ответа, как не нахожу его и сейчас. У меня нет никакой теории на эту тему.

Пока я так размышлял, вместе с рассветом пришла тишина. Я выпил то, что осталось во фляге, выполз из пещеры и вновь начал подъем. В тот день ноги отказали мне, поэтому я разорвал рубашку и сделал из нее подкладки под колени и предохранители для рук. Потом полз дальше - все выше и выше. Вечером я снова забрался в одну из пещер и подождал, пока голубизна сгустится, поднимется сноп света и раздастся шепот.

Однако, в нем было что-то новое. На этот раз он не грозил, а звал и соблазнял. Меня охватил ужас. Я испытывал огромное желание позволить им сделать со мной все, что угодно, отнести, куда они захотят. И желание это нарастило. С каждым новым подъемом снопа света оно усиливалось, так что под конец я дрожал от желания сдаться, как дрожал во время пения в Святыне. Тело мое превратилось в некое подобие маятника. Сноп света поднимался вверх, и я тянулся к нему. Только душа была спокойна и крепко держала меня в глубине пещеры. Всю ту ночь она боролась с моим телом, противостоя чарам Племени из Бездны.

Когда рассвело, я вновь выполз из пещеры и остановился перед Лестницей. Встать я не мог. Израненные руки кровоточили, колени чудовищно болели. И все же я заставил себя подниматься ступень за ступенью... Через некоторое время руки потеряли чувствительность, боль в коленях утихла. Они умерли. Ступень за ступенью я силой воли тащил свое тело наверх.

Потом был кошмар подъема по бесконечному числу ступеней, воспоминание тупого ужаса, пока я прятался в пещерах, а свет снаружи пульсировал, и шепот звал меня... воспоминания того раза, когда я проснулся и заметил, что тело послушалось вызова и уже почти вывело меня на охранников пещеры, тогда как тысячи поблескивающих шаров собирались в голубом тумане, разглядывая меня. Короткое воспоминание борьбы со сном и опять подъем наверх, все выше и выше, вдоль бесконечно длинной лестницы, ведущей от Гибели к Раю голубого неба и открытого мира!

Потом, наконец, осознание открытого неба и края расщелины передо мной, воспоминание портала расщелины и постоянного удаления от нее... сны о народе гигантов со странными островерхими коронами на головах и закрытыми лицами, толкающие меня вперед, и задерживающие огни шаров, пытавшихся утащить меня обратно в глубины, где плинеты проплывали между ветвями красных деревьев, вместо крон у которых были змеи...

Потом очень долгий сон - один Бог знает, насколько долгий - в расщелине между скалами, пробуждение только для того, чтобы увидеть далеко на севере по-прежнему бьющий вверх сноп света, охотящиеся на мяки шары и зовущий шепот, звучащий высоко надо мной.

Вновь ползание на мертвых руках и ногах, которые двигались помимо моей воли, как

корабль Старого Моряка, унося меня от этого проклятого места. Потом ваш костер и - безопасность!

Человек улыбнулся нам и забылся сном.

В тот же день мы свернули лагерь и, неся его, двинулись обратно на юг. Мы несли его три дня. Он все время спал, а на третий день, по-прежнему во сне, умер. Тогда мы собрали кучу дров и сожгли его тело, как он сам того хотел. Прах его мы развеяли по всему лесу вместе с пеплом, оставшимся от сгоревших деревьев, поглотивших его тело. Велика должна быть мощь чар, чтобы они смогли собрать этот прах и притянуть его одним облаком к пропасти, которую он назвал Проклятой. Не думаю, чтобы даже Племя из Бездны владело ими. Пожалуй, все-таки нет.

Однако, мы не вернулись к пяти вершинам, чтобы убедиться в этом лично.